

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

МОНГОЛЫ

ДЖОРДЖ ЛЕЙН

Анализ причин невероятных успехов группы народов,
которая стремилась не завоевывать и уничтожать,
а овладевать и преобразовывать

Оглавление

[Краткая история: Монголы](#)

[Выходные сведения](#)

[Введение](#)

[1. СТЕПЬ И ОСЕДЛЫЙ МИР](#)

[2. РАННИЕ ГОДЫ](#)

[3. ЗА ПРЕДЕЛЫ СТЕПИ](#)

[4. ПОД КОПЫТАМИ ТАТАРСКИХ КОНЕЙ](#)

[5. ЧАГАТАИДЫ](#)

[6. МОНГОЛЫ В ИРАНЕ](#)

[7. ХАН ХУБИЛАЙ — ЮАНЬСКИЙ ИМПЕРАТОР МИРА](#)

[8. СУП ДЛЯ ВЕЛИКИХ ХАНОВ](#)

[Дополнительное чтение](#)

[Благодарности](#)

[Приложение I. Временная шкала](#)

[Приложение II. Список персоналий](#)

[Приложение III. Глоссарий](#)

ДЖОРДЖ ЛЕЙН — специалист по истории Средней и Центральной Азии, научный сотрудник и преподаватель факультета истории, исторических школ, религий и философских течений в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. Входит в кадровый состав Центра иранских исследований и Лондонского института Средней Азии. Автор четырех книг о монголах, отдельных глав в 12 исторических книгах-сборниках, а также научных статей.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

МОНГОЛЫ

ДЖОРДЖ ЛЕЙН

George Lane

A SHORT HISTORY OF THE MONGOLS

Опубликовано в сотрудничестве с I.B.Tauris & Co. Ltd, London.

Перевод с английского Тимура Сафина

Научный редактор: Дмитриев С.В., кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, заведующий сектором древней и
средневековой истории Китая Института востоковедения РАН

Лейн Дж.

Краткая история: Монголы / Джордж Лейн ; [пер. с англ. Т.А. Сафина]. —
М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2020.

ISBN 978-5-389-14650-1

16+

В период своего расцвета Монгольская империя, сформировавшаяся в XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников, включала в себя самую большую из когда-либо существовавших единую государственную территорию, простираясь от Восточной Европы до Японского моря и от русского Новгорода до Юго-Восточной Азии. Краткое изложение истории Монгольской империи охватывает период, начиная с рождения между 1155 и 1162 годами Тэмуджина (будущего Чингисхана), основавшего впоследствии единое монгольское государство, до последней четверти XIV века, ознаменованной падением Монгольской империи и поражением в Китае монгольской империи Юань. Затронута также самое начало XVI века, когда Исмаилом I, основателем династии Сефевидов, был захвачен Тебриз, что положило конец существованию туркоманского государства Ак-Коюнлу. Монгольская империя показана в книге как сложное, цивилизованное и стойкое государство, которое оказало длительное и многогранное влияние на окружающие земли. В изложении переплетаются различные

исторические, политические и культурные нити, складывающиеся в цельную картину, призванную показать, как и почему Чингисхан и его преемники добились таких невероятных успехов.

Великолепный образец жанра академической истории, книга снабжена черно-белыми иллюстрациями и ценными приложениями: картами, временной шкалой, списком персоналий, глоссарием, а библиографический список представляет собой настоящее историографическое исследование. Будет полезна студентам высших учебных заведений и их преподавателям, а также всем увлеченным историей Средней и Центральной Азии.

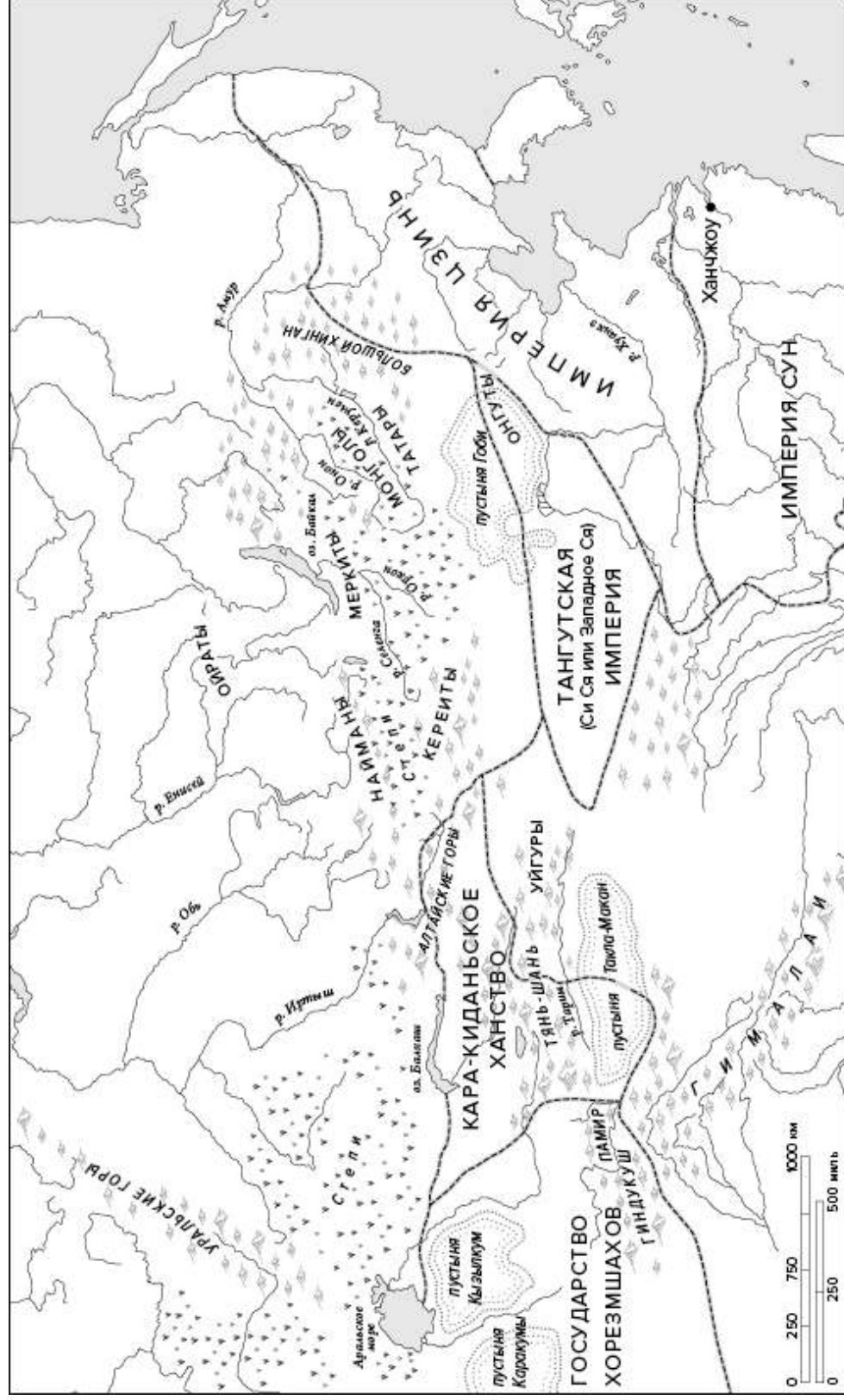
© George Lane, 2018

© Сафин Т.А., перевод на русский язык, 2020

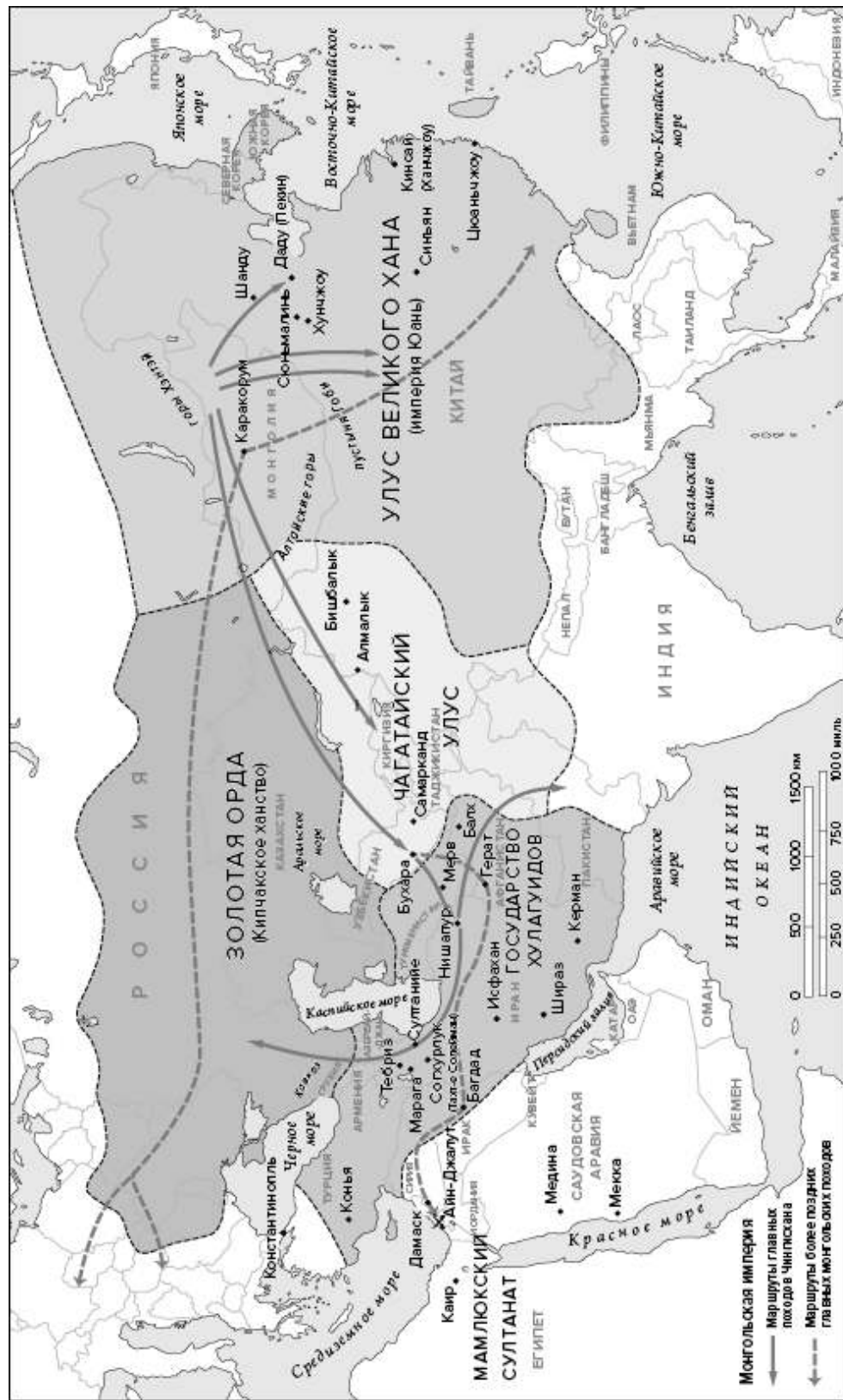
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

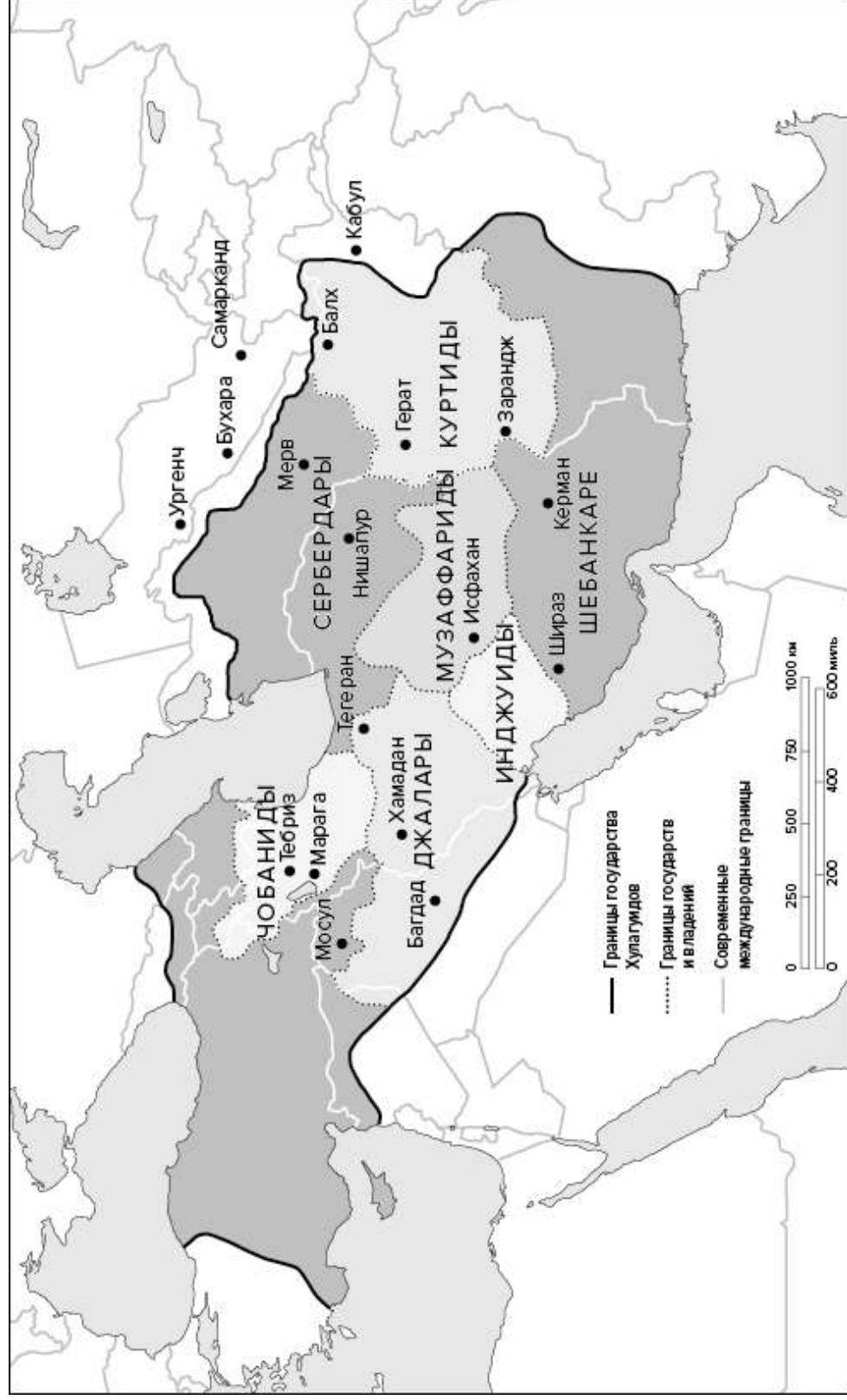

Карта 1. Тюрко-монгольские племена и их соседи ок. 1200 г. накануне набегов Чингисхана в 1206 г.

Карта 2. Империя Чингисидов и улусы в ее составе ок. 1280 г.

лучше, чем после падения империи Сун в 1279 г.

Карта 4. Мини-государства Ирана после распада государства Хулагуидов в 1335 г.

ВВЕДЕНИЕ

**От изгнания до абсолютной власти:
падение и взлет Тэмуджина (Чингисхана)**

Политическую трансформацию, сопровождавшую первый на планете опыт глобализации, часто ставят в заслугу одному человеку — Тэмуджину¹, великому хану Чингису. Захват власти среди тюрко-монгольских племен Евразии, а позднее ловкая игра на слабостях соседних империй позволили ему зажечь искру революции, которая буквально захлестнула полукочевые общества тюрков, изысканные, но уязвимые города Китая, погрязшие в междоусобицах общины исламского мира, практически беззащитные земли на границах Европы.

В пропаганде Чингисидов XIII века монгольское завоевание — всегда неминуемый разгром и безжалостное истребление. Приукрашенный друзьями и союзниками (а также врагами и жертвами), этот образ Чингисидской империи господствует и поныне. Но он слабо связан с реальностью. В сердце Азиатского континента от Восточной Европы до Восточной Сибири, от Японского моря до Эгеиды, от Сирии до Кашмира и от Вьетнама до западных берегов Черного моря правили энергичные, многонациональные ханства. От иранского Тебриза, столицы государства Хулагуидов, до Ханбалыка, столицы империи Юань, где правил объединенным Китаем величайший император мира — хан Хубилай, монгольские Чингисиды поражали весь мир изысканностью и богатством своих городов и караванов. А изменения климата, раздоры в среде недалёковидных элит, изветшавшие, коррумпированные империи и застарелые, выхолащенные идеологии — всё это умело обратил себе на пользу вдохновенный авантюрист и охотник за удачей, которому удалось

изменить мир и обеспечить своей семье богатство и безопасность, которых сам он в юности был лишен.

Чингисхан. Мраморная арка, Лондон. Скульптор: Даши Намдаков
© Halcyon Gallery, 29 Bond St, W1J 6NP

Тэмуджин рос обездоленным юношей, чей взгляд на жизнь сформировался под влиянием жестокого детского опыта. После того как его отец был вероломно убит, юный Тэмуджин, изгнанный из клана вместе с матерью, братьями и сестрами, глубоко впитал в себя подозрительность, решимость и холодную безжалостность — чтобы выжить. За пределами узкого семейного круга в его напористости рано распознали угрозу, и лишь нежный возраст уберег от стального клинка его шею, взамен познавшую тяжесть деревянной *канги*. Тэмуджин был вынужден сражаться, чтобы спасти семью; превозмогать одну за другой множество бед, дабы отомстить за несправедливость, причиненную

его отцу, матери и ближайшим родственникам. К тому моменту, когда он достиг вершины могущества в своем замкнутом мире степи, он уже очень хорошо понимал, что слабость живет не только в сердцах людей, но и в обществе, в совокупности общественных связей. И он не колеблясь насаждал свое видение окружающим, в том числе любому, кто мог бы осмелиться помешать его планам.

Не обращая внимания ни на семейно-клановые связи, ни на социальный статус, Тэмуджин собрал вокруг себя тех, чья преданность была испытана и не вызывала сомнений. Горький опыт научил его разбираться в слабостях, влечениях и движущих силах человеческого духа, а потому даже в пучине боли и отчаяния он никогда не позволял страху и сомнениям поглотить себя. В 1206 году Тэмуджин разгромил, покорил или привлек на свою сторону большинство тюрко-монгольских племен Евразийской степи². Объединенные племена провозгласили его своим вождем и принесли клятву верности; вера в его лидерство была непоколебимой, в подтверждение чего он и получил прозвище Чингисхан: могучий хан всех ханов³. Тэмуджин вознаграждал тех, чья вера в его предназначение совпадала с его собственными взглядами, когда дело доходило до назначения на почетные и влиятельные должности. Но он ясно дал понять, что устанавливает в степи новый порядок: власть принадлежит достойным, награды достаются наиболее способным, доблесть находит признание, умения используются должным образом, а профессионализм ведет к повышению статуса.

Ядро империи Тэмуджина сформировалось в тот период, когда он переживал свои худшие времена. В попытке найти выход из сложившегося положения он, поверженный, обманутый, скрывающийся среди холмов, собрал вокруг себя тех, кто остался предан ему. Именно

тогда, в момент знаменитой Балджунской клятвы, самые верные его сторонники заявили о своей вечной преданности. Тем не менее соратники Тэмуджина представляли собой не правящую тюрко-монгольскую элиту, а пестрое и разномастное сборище. Среди них было трое христиан-кереитов, меркит⁴, двое буддистов-киданей, а также трое мусульман (вероятно, купцов). Достоверно неизвестно, была ли Балджуна рекой, озером, прудом, вади⁵ или долиной; но в этой местности «было несколько маловодных родников, недостаточных для них и их скота. Поэтому они выжимали воду из грязи и пили [ее]»⁶ ⁷. Это краткое описание знаменитого инцидента в вади Балджуна содержится в персидской хронике, повествующей о ранней истории иранского государства Хулагуидов. История передана почти в библейских выражениях и служит подходящим прологом к надвигающемуся перевороту.

Ранние рассказы о Тэмуджине говорят о событиях в вади Балджуна, вблизи границ Китая. Легенда гласит, что его сторонники продвигались без еды несколько дней, прежде чем одному из них удалось подстрелить пустынного воробья. Птицу приготовили и поднесли предводителю, но Тэмуджин приказал разделить ее поровну на 70 частей, взяв себе долю размером не больше любой другой. Справедливость и желание разделить со своими людьми их невзгоды — вот причины, по которым люди шли за ним, боготворили его и были готовы отдать за него душу ⁸.

Многие считают, что рано свалившиеся невзгоды и трудное детство Тэмуджина были предвестниками его позднейшей жестокости и беспощадности. Якобы убийство отца и отвержение, постигшее его мать и ее детей, стали источником порока, который подобно раковой опухоли отравил его кровь, распространился в душе и пропитал настроения его людей. Сформировавшийся образ рисует безликого врага,

который внезапно появляется из темноты, осыпает злодеяниями беспомощное население и исчезает, оставляя за собой крики истерзанных жертв.

Приидоша языци незнаемѣ, и ихъ же добръ никто же ясно вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и коего племени суть, и что вѣра ихъ⁹.

Позднейший персидский источник так обобщает нашествие монголов: «Они пришли, они напали, они жгли, они убивали, они грабили, и они ушли»^{10 11}. В это же время арабский хронист Ибн аль-Асир (1160–1233) оплакивал сам факт своего рождения:

Несколько лет я не решался говорить об этом бедствии, считая его слишком ужасным и питая отвращение к речи о нем. Сделав шаг к этому одной ногой, я отступал другой ногой. Разве существует кто-нибудь, кому было бы легко письменно оповещать о гибели ислама и мусульман? Разве есть кто-нибудь, кому было бы легко даже говорить об этом? О, если бы мать моя не родила меня! О, если бы я умер раньше этого или был бы забывчивым и забытым!¹²

Сильные слова, хоть и сказанные человеком, который лично никогда не встречал монголов и не видел ни одного из их опустошительных набегов.

Однако именно такой «варварский» образ культивировал и поощрял Чингисхан. Он видел в нем важное оружие, необходимое для продолжения завоевательных походов и сохранения при этом боеспособной армии своих тюрко-монгольских соплеменников. Пока люди верили в непобедимую дикость и ненасытную жажду крови его воинов и братьев монголов, редели и армии противников на его пути. Немногие пожелали бы встретиться лицом к лицу с такими адскими ордами, которые (а в это верили

повсеместно) вышли прямо из ада или Тартара и были воплощениями самих Гога и Магога.

Монгольские стрелки. Первые же слухи о приближении монгольских всадников вселяли ужас в местное население

На самом деле Чингисхан на протяжении всей своей жизни искал и находил союзников. Он был политиком и дипломатом, скреплял политические сделки и союзы как кровью, так и вином и чернилами. Он вел в бой очень успешную армию, и его победы были важнейшим фактором, привлекавшим все новых солдат. Чингисхан твердо придерживался *ясы*, строгого степного закона предков, распространял ее ограничения на себя, своих последователей и тех, над кем правил. Этот неписанный кодекс быстро продемонстрировал на практике разумную степень гибкости и адаптивности к новым условиям: чем дальше Чингисиды уходили от степи, тем

слабее становились ограничения Великой Ясы и тем свободнее были ее интерпретации. По мере того как росли ряды армий Чингисхана и появлялись зачатки администрации, то же происходило с тактикой и амбициями по расширению и развитию империи.

После нас члены нашего уруга¹³ оденутся в затканые золотом одежды [хаба] и будут вкушать вкусные и жирные яства, будут садиться на красивых коней и обнимать прекрасноликих жен, [но] они не скажут: «[Все] это собрали наши отцы и старшие братья [ака]», а забудут и нас, и этот великий день!¹⁴

Чингисхан не был чрезмерно очарован степью и обычаями своего народа, которые определенно ему не подходили. В 1206 году, приняв титул великого хана Чингиса, Тэмуджин начал настоящую революцию, которую охотно поддерживали как его соплеменники и прочие кочевники степи, так и враги, которых он покорил или уговорил встать на свою сторону, — все они провозглашали непоколебимую веру в его превосходство и руководство. По мере того как успехи следовали за триумфами, революция набирала силу, и слава о ней распространялась все шире. Каждая победа служила подтверждением праведности и непобедимости великого хана, и многие были уверены, что рука бога простиралась над ним и что его триумф неизбежно будет продолжаться.

Когда Чингисхан вышел за пределы степи и обрушился на города и селения Северного Китая, ему в этом помогали кидани — изгнанные из своих земель и ставшие оседлыми тюрко-монгольские племена. Они только приветствовали атаки на ненавистных им чжурчжэней, которые заняли их прежние земли¹⁵. Когда монголы впервые вторглись в *Дар аль-ислам*, их приветствовали местные мусульмане. Они знали, что помощь Чингисидов необходима им, чтобы положить

конец угнетениям со стороны ненавистного найманского князя Кучлука, а сотрудничество с монголами предоставит их торговцам как доступ к землям Востока, так и поддержку при продвижении торговли на Западе. Когда Чингисхан начинал поход против хорезмшаха Мухаммеда II (ум. 1220(1222), претендовавшего на роль защитника ислама, плацдармом ему служили земли Восточного Туркестана — едва присягнувшие на верность империи Чингисидов и населенные преимущественно мусульманами. Когда внук Чингисхана Хулагу вел многочисленные имперские войска в сердце Ирана, ряды его армии пестрели местными персидскими воинами. Они искренне желали помочь в изгнании еретиков-исмаилитов, свержении Арабского халифата (который по-прежнему властвовал над их соседями в Иране) и в возрождении персидского государства, исчезнувшего с карты мира в VII веке, после разрушения империи Сасанидов «презренными» арабами. Покуда ширились ряды войск Чингисхана, покуда копыта их татарских коней топтали все больше и больше земель, всегда находились те, кто приветствовал их продвижение, и многие стремились извлечь выгоду, став частью этой победоносной армии.

Несмотря на то что последствия учиненных монголами разрушений и опустошений преуменьшать не следует, их необходимо оценивать в контексте политической, социальной, культурной и, возможно, даже духовной революции, огромных глобальных потрясений, следствиями которых они также являлись. Чингисхан инициировал первый в мире опыт глобализации. Движения и миграции, принудительные вначале, но позднее добровольные и приветствуемые, новые, крепкие контакты и союзы преобразили мир и оживили мировую экономику. Французские серебряных дел мастера выделывали изысканные питьевые фонтанчики

в первом городском центре монгольской степи. Персидские поэты расписывали надгробия в портовых городах на китайских морях. Немецкие солдаты маршировали с монгольскими армиями через степные земли Востока. Европейские монахи дискутировали с армянскими священниками, тибетскими буддистами, арабами-мусульманами и тюркскими шаманами, просвещая и наставляя монгольских военачальников...

Марко Поло побывал в столице мира, наслаждался ее великолепием и утонченностью. Когда он вернулся, его соотечественники поражались его рассказам, но сомневались в правдивости чудес, о которых он сообщал: настолько они казались невиданными и неправдоподобными. А за два десятка лет после его возвращения в Венецию появились путеводители и купеческие инструкции с советами для авантюристов, искателей приключений и торговцев по практическим аспектам восточных путешествий, в которых описывались трудности международного сообщения в Средневековье.

Если внезапное возвышение Чингисхана и можно объяснить особенностями его психологии и удачным стечением обстоятельств, то полная картина его свершений — воистину глобального масштаба — не поддается такому простому истолкованию. На протяжении всей истории симбиотических отношений между степью и земледельческими народами были периоды, когда хрупкое спокойствие нарушалось и полчища всадников обрушивались на сельские общины и укрепленные города своих оседлых соседей. Такие вторжения, как правило, были кратковременными и прекращались в тот момент, когда источники добычи и богатства иссякали, а их создатели бежали или организовывали успешное сопротивление. Но набеги Чингисидов были иными: всадники великого хана не поворачивали назад, даже насытившись грабежом. И

хотя многое из этого мы сможем объяснить личностью Чингисхана, другие факторы также необходимо учитывать.

Например, в 1974 году климатолог Гарет Дженкинс представил данные, наглядно демонстрирующие, что «в период с 1175 по 1260 год в Монголии наблюдалось резкое и устойчивое снижение среднегодовых температур». Дженкинс утверждал, что эти климатические изменения были столь глубокими и так повлияли на экосистему степи, что могли сыграть решающую роль в стремлении племен к объединению и в дальнейшем крупномасштабном и продолжительном вторжении в земли оседлых народов. Он утверждал, что «серьезный климатический сдвиг в значительной мере способствовал прекращению междоусобной борьбы и кровной мести среди монгольских кланов и сделал возможной их реорганизацию под военной властью Чингисхана» и что «их стремление к завоеваниям могло подпитываться поражениями в борьбе с изменениями климата у себя на родине»¹⁶. Определенно масштабные потери скота и пастбищных угодий, вынужденные перемещения больших масс людей и, как следствие, жестокая конкуренция за власть и лидерство обеспечили идеальные условия для возвышения харизматического вождя, достаточно прозорливого и энергичного для реализации своей мечты.

После двух очень засушливых десятилетий с 1180 года, в первые десятилетия XIII века погода улучшилась, и особенно в период кампаний Чингисхана против чжурчжэней Северного Китая и державы хорезмшахов¹⁷. Разумеется, повышение влажности положительно сказывалось на тучности кормовых угодий, а следовательно, и на продовольственном обеспечении постоянно растущей ненасытной армии. Каждый монгольский солдат шел в поход с пятью лошадьми, поэтому влажность климата оказывала

сильное воздействие на производство продуктов питания, а значит, и на моральный дух и боеспособность армии.

На протяжении веков тюрко-монгольские племена сражались друг с другом в предсказуемом и, казалось бы, неизбежном круговороте междоусобной борьбы, позволяя высокомерным соседям манипулировать собой. Джувейни сообщает, что «[Монгольские племена] не были едины, и между ними не стихали войны и не прекращалась вражда... Хан китаев взимал с них дань и забирал их товары»^{18 19}. Киданьские вожди сражали одно племя с другим, так же поступали и их преемники: чжурчжэньская династия Цзинь и даже могучая династия Сун на юге²⁰. В длинном перечне мелких правителей, которые возносились и низвергались в хаосе воинственной степной политики или по прихоти своих хозяев, есть и предки Чингисхана, например Хайду (ок. 1040–1100) и Хабул (ок. 1100–1148). Тюрко-монгольские племена евразийской степи ждали, чтобы кто-то или что-то нарушило этот круговорот, и резкие изменения климата вполне могли послужить катализатором, который совпал по времени с возвышением Тэмуджина и накаленной политической обстановкой в разобленном Китае.

Чингисхан был умелым стратегом и проницательным знатоком человеческой природы. Он ловко взошел на арену политической борьбы и искусно балансировал на ней, но в конце концов просто оказался в нужное время в нужном месте, и его беспрецедентный успех стал возможен лишь благодаря политическим обстоятельствам вкупе с резкими изменениями климата.

¹ Используемые системы транскрипции монгольских имен обычно предоставляют не фонетически близкую транскрипцию, а транслитерацию

(причем не всегда последовательную), опирающуюся на написание имени традиционным старомонгольским письмом. Монгольский язык совсем не так богат гласными, как может показаться по транскрипциям. Имя Тэмуджин, вероятно, звучало скорее как *Тэмджин*, Угэдэй — как *Угдэй*, Мункэ — как *Мөнх*, и т. п. — *Здесь и далее, если не указано иное, за исключением источника цитирования, прим. науч. ред.*

² К 1206 г. под властью Тэмуджина находилась не вся Великая степь, а лишь ее восточная часть — Монгольское плато.

³ О значении этого титула см.: *Peter Jackson*. World-conquest and local accommodation: Threat and blandishment in Mongol diplomacy // *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honor of John E. Woods*. *Judith Pfeiffer* and *Sholeh A. Quinn* (eds). Weisbaden: Harrassowitz, 2006. P. 4.

⁴ Керейты, меркиты — различные монгольские племена. — *Прим. перев.*

⁵ Вади — сухое русло реки. — *Прим. перев.*

⁶ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 12. (Сейчас принято написание *Рашид ад-Дин*.)

⁷ *Rashid al-Din*. *Jāma' al-tavārikh*. Mohammad Roushan and Mustafa Musavi (eds). Tehran: Nashr Elborz, 1373/1994; *Rashiduddin Fazlullah*. *Jami'u't-Tawarikh: Compendium of Chronicles* (Tome 1). Wheeler M. Thackston (tr.) // *Classical Writings of the Mediaeval Islamic World: Persian Histories of the Mongol Dynasties*. Vol. 3. London: I.B. Tauris, 2012 [одинаковая пагинация с персидским изданием 1994 г.]. P. 386. Здесь и далее будут указываться только страницы издания 1994 г., так как они используются в издании 2012 года от I.B. Tauris.

⁸ *Qutb al-Din Shirazi*. The Mongols in Iran: Qutb Al-Din Shirazi's Akhbar-iMoghulan. George Lane (tr.). London: Routledge, 2018; о Балджуна см.: *Francis W. Cleaves*. The historicity of the Baljuna covenant // *Harvard Journal of Asiatic Studies* 18/3-4 (December 1955). P. 357-421.

⁹ «Пришли неизвестные народы, и никто о них ясно ничего не знает: ни кто они, ни откуда пришли, ни языка их, ни какого они племени, ни веры их». См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / АН СССР, Институт истории; отв. ред. М.Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 264.

¹⁰ *Ата-Мелик Джувейни*. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитоновой. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. С. 72.

¹¹ *'Ala al-Din 'Ata Malik Juwayni*. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror. John Andrew Boyle (tr. and ed.). Manchester: Manchester University Press, 1997. P. 107; *Tārīkh-i-Jahān Gushā*. Mizra Muhammad

Qazvini (ed.). Vol. 3. Leiden: Brill, 1958. P. 84. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001086/108630Eb.pdf>

¹² *Ибн Ал-Асир*. Ал-каmil фи-т-та'рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки / Пер. с араб. языка, примеч. и коммент. П.Г. Булгакова. Дополнения к пер., примеч. и коммент., введ. и указ. Ш.С. Камолиддина. Ташкент — Цюрих: АН РУз, 2005. С. 355.

¹³ То есть потомки. — *Прим. перев.*

¹⁴ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. О.И. Смирновой. Т. 1. Кн. 2. С. 262.

¹⁵ Кидани правили в собственной империи Великая Ляо, уничтоженной в 1125 г. чжурчжэнями, которые до того были вассалами киданей. Часть киданей (каракитай) ушла на запад, основав новое государство в Джунгарии и Семиречье; но большинство осталось, покорившись чжурчжэням. К временам Чингисхана основная масса киданей заметно китаизировалась.

¹⁶ Цит. по: *Nicola di Cosmo*. Climate Change and the Rise of an Empire // Institute for Advanced Study Letter. Princeton: East Asian Studies, 2014. URL: <https://www.ias.edu/ideas/2014/dicosmo-mongol-climate>

¹⁷ Держава хорезмшахов на пике могущества контролировала часть Восточного Ирана, а также населенные ираноязычными народами земли Мавераннахра. Династия Ануштегинидов была тюркской.

¹⁸ *Ата-Мелик Джувейни*. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитоновой. С. 17.

¹⁹ См. также: *Rashid al-Din*. Jāma' al-tavārīkh. Mohammad Roushan and Mustafa Musavi (eds). Tehran: Nashr Elborz, 1373/1994. P. 230.

²⁰ То, что верно в отношении чжурчжэней, и правда предпочитавших контролировать степи опосредованно, стравливая между собой кочевых властителей, не вполне точно передает политику киданей, которые управляли степями напрямую и даже возвели там целую сеть крепостей, ныне плодотворно исследуемых археологами.

1

СТЕПЬ И ОСЕДЛЫЙ МИР

У тюрка четыре глаза: два спереди и два на затылке... Если выйдет срок жизни тюрка и будут подсчитаны все его дни, то окажется, что в седле он провел больше времени, чем сидя на земле... Отказываясь от занятия ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, инженерным делом, выращиванием деревьев, строительством зданий, орошением земель и сбором урожая, направляя свои усилия лишь только на завоевания, набеги, искусство верховой езды, единоборство богатырей, добычу трофеев и покорение земель, растрачивая свой пыл только на это, посвящая себя лишь этому, ограничиваясь и будучи органически связанными с этим — они прониклись этим делом полностью и совершенствуясь, шли до конца, и именно это стало их ремеслом, их торговлей, их услугой, их гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед. А когда стали они такими, сделались знатоками военного дела, как греки — мудрости, китайцы — ремесел¹.

Приведенное описание Аль-Джахиза (ум. 869), в котором он хвалит воинские качества тюрков и выступает за включение их в армию халифа в качестве *мамлюков* (военных рабов), можно смело перенести на тюрко-монгольские племена Евразийской степи XII-XIII веков, накануне их вторжения в оседлый мир под знаменами Чингисхана. Все они были обитателями Великой степи, которая тянется от Восточной Европы через все Северное полушарие, окаймляя засушливые пустыни Туркестана, прижимаясь к склонам Урала, чтобы раствориться в бескрайних просторах Сибири, покрыв собой большую часть долин, гор и плато Внутренней Азии. Для иранцев всадники Турана были легендарными соперниками, а для китайцев —

варварами, вой которых вечно раздавался у границ их страны.

Если отбросить все эти красочные стереотипы, то окажется, что кочевые народы степи искони принимали деятельное участие в симбиотических отношениях с соседями — урбанизированными оседлыми земледельцами. Кочевник мог притворно ужаснуться, когда обработанные и распаханые поля ограничивали перемещения его бродячих стад, но всегда был рад выменять у «ковыряющихся в пыли» земледельцев плоды этих полей, а также насладиться удовольствиями и замысловатыми товарами из презируемых им городов. Утонченные горожане испытывали равную степень презрения к этим грубым дикарям с «лицами, что перетянутые кожей щиты»² и их образу жизни, но с удовольствием приобретали у них ремесленные изделия, нежное мясо и молочные продукты. Посол династии Сун при дворе империи Цзинь, который лично сталкивался с татарами, описывал их как людей «очень бедных, грубых и неумелых», способных лишь на то, чтобы седлать лошадей и ехать друг за другом. Они жили далеко в степи и северных лесах, и высокая китайская культура их не затронула³.

Он был свидетелем ранних набегов (их называли «прореживанием рядов»), которые цзиньские войска и их союзники устраивали между 1160 и 1190 годами, чтобы пополнить рынки рабов Северного Китая пленниками-татарами. В действительности лишь Чингисхан прекратил в 1210 году выплату ежегодной дани императорам Цзинь (1115–1234), но потребовалось еще десять лет, чтобы цзиньские придворные по настоянию великого хана прекратили именовать монголов татарами: это название было совершенно неуместно, поскольку племя татар к тому моменту было уничтожено и прекратило свое существование⁴.

ТАТАРЫ

Имя «татары» стало собирательным обозначением степных племен Евразии к концу XII века. Оно впервые зафиксировано в древнетюркской надписи Кюль-тегина 731 года. В ней упоминается столкновение «30 татар» и «9 татар» с тюрками. Позже этот этноним употреблялся по отношению к конкретным кочевым племенам в районе Хулун-Буйр⁵ на северо-востоке Внутренней Монголии. О них Рашид ад-Дин пишет, что их насчитывалось 70 000 человек и множество кланов. Ибн аль-Асир, историк из Мосула, заявляет, что татары, как и кидани, оставались язычниками⁶, а Махмуд аль-Кашгари, лексикограф XI века, заключает, что они говорили по-монгольски, как и по-тюркски.

Господством над тюрко-монгольскими степями Евразии татары были обязаны чжурчжэням, которые задействовали их в роли *цзюйиней*⁷ для обеспечения контроля империи Цзинь над степью, ее ресурсами и торговыми путями. Говорят, что у детей татарских вождей колыбели были из серебра, носовые кольца — из золота, одеяла инкрустированы жемчугом, а одежды они носили из вышитого золотом шелка, в то время как монгольские вожди довольствовались деревянными стремянами и стрелами с наконечниками из кости. В конце концов судьба татар была решена, когда они пренебрежительно отравили путешественника, попросившего гостеприимства в их лагере, что было его правом в соответствии с *ясой*. Этот путешественник, Есугей-баатур, возвращался с помолвки своего сына Тэмуджина. Злой рок заключался в том, что Тэмуджин получил свое имя в честь татарского воина, которого его отец убил в битве. Теперь, как сын, он унаследовал не только имя, но и долг кровной мести, который в итоге исполнил в 1196 году, полностью уничтожив господство татар в степи и их статус могущественного племени.

Однако наследие их продолжало жить в Европе и Персии, в России, Индии и среди арабов, где упорно продолжали говорить «татары» вместо «монголы». Особенно уместным это казалось европейцам, поскольку имя «татары» предполагало, что эти кочевники действительно являлись обитателями Тартара, то есть ада.

Татары подверглись физическому уничтожению, но и другие тюрко-монгольские племена Евразии (помимо самих монголов), присутствовавшие на великом курултае 1206 года, были распущены, а затем включены в более крупное надплеменное объединение⁸, впоследствии известное как монголы — «люди девяти языков»⁹, народ Йекэ Монгол Улуса (Великой монгольской державы)¹⁰. В состав нового государства вошли кереиты, меркиты, найманы, татары, монголы, унгираты, ойраты, таджиуты, буряты, борджинины, баргу, онгуты, кияты, джалаиры и целый ряд более мелких сообществ, которые объединились под властью одного правителя и единого закона — *ясы*. У этого беспрецедентного события, объединившего все кочевые степные племена «людей войлочных шатров»¹¹, несметные поколения которых доселе постоянно сражались и воевали друг с другом¹², было не менее знаменательное продолжение. В течение десяти лет большинство соседних полукочевых племен и даже оседлые страны и народы охотно отказывались от своих наименований и идентичности, чтобы раствориться в приливном движении революции Чингисидов и, объединившись, называть себя монголами.

Ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ¹³, нангясов¹⁴, уйгуров¹⁵, кипчаков, туркмен, карлуков¹⁶, калачей¹⁷, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами¹⁸.

СТЕПЬ

Степные пастбища, в которых доминировали кочевники-скотоводы, наконец-то объединились с землями пахарей, где господствовали крестьяне и горожане. Хотя Чингисхан и совершил настоящую революцию, объединив народы степи и обрушив череду их решительных набегов на земли пахарей, но даже при его жизни (и все более — после его смерти) многие из числа завоеванных приветствовали создание поглотившей их мировой империи.

Тюрко-монгольские кочевые племена пасли свои стада на обширной территории, которую обычно называют Евразийской степью. Евразийская степь охватывает широкие пространства, раскинувшиеся от Восточной Европы до Маньчжурии, через Южнорусские степи, Казахстан, Джунгарию, провинцию Цинхай¹⁹ и Монголию. К югу от этого региона степь превращается в пустыню — обширную засушливую зону, усыпанную островами городских и сельских оседлых поселений. Степи, луга и пологие холмы степи, напротив, были лишены крестьянских поселений или городов. Обитателями ее были кочевники-скотоводы и охотники, чья жизнь требовала сезонных миграций для постоянного поиска воды и травы.

Хотя кочевники обычно отказывались от оседлых поселений и постоянных жилищ, маршруты их миграций часто были достаточно устойчивыми. В результате эти степные переселенцы практиковали и земледелие в ограниченном масштабе, засевая подходящие культуры, чтобы позднее, на обратном пути, пожать их. Постоянно находясь в движении, реагируя на изменения климата и окружения и всегда начеку в ожидании опасностей и угроз, все кочевники-скотоводы были прирожденными воинами, а война — делом каждого. Простой пастух был одновременно и

бойцом, и налетчиком, а культура степи славна рассказами и песнями героев-воинов. Племя кочевников-скотоводов было одновременно и армией.

Тэмуджин родился в самом центре тюркомонгольского мира. Чем дальше от этих сокрытых в глубине континента долин и рек, таких как долина Орхона или река Онон, тем интенсивнее взаимодействовали полностью кочевые племена с теми народами, которые восприняли оседлую жизнь. Такие тюркомонголы, как кидани, стали полукочевыми, и многие из них заимствовали некоторые атрибуты китайской культуры. Другие тюркские народы, например уйгуры, многие из которых были купцами, выбирали городскую жизнь. Но для обитателей Монгольского плато жизнь кочевника столетиями протекала без изменений, им не нужны были ни стабильность города, ни очерченные заборами границы, ни стены из камня. Примечательно в истории возвышения то, что Тэмуджин происходил из самого сердца этого крайне отдаленного региона, даже сегодня весьма уединенного и труднодоступного; из незначительной и обездоленной семьи, оставленной даже собственным родом и племенем. Из мрака неизвестности «народ вышел из окраин ас-Сина²⁰. Они устремились в города Туркестана... оттуда — в города Мавераннахра»²¹. И возглавлял этот народ Тэмуджин, который впитал представления о внешнем мире, а также стремления и надежды Центральной Монголии.

Монгольское плато — особый географический и топографический регион, который охватывает современную Монголию, Внутреннюю Монголию и Забайкалье. Территорию Монголии традиционно помещают между Алтайскими горами на западе и хребтом Большой Хинган на востоке, с юга ее ограничивают пустыня Гоби и горы Иньшань к северу от «великой излучины» Хуанхэ, на севере — озеро Байкал.